

Бог Александра Зиновьева

«Во сне я вижу слепящее голубизной небо, раскаленное красное Солнце, пустынную каменистую дорогу. Слева виднеется застывшее Мертвое море, справа – безжизненные, мертвые скалы. По дороге медленно идет человек. Он высок, худ и прям. Его прекрасные русые кудри и борода наполовину белы, хотя он молод. Глубоко запали большие, серые, горящие глаза. В них – отчаяние и обреченность. Кто этот человек? Христос? А таким ли он был? Может быть, это я сам?» [1].

Книга «Иди на Голгофу» написана Зиновьевым в эмиграции, в 1982 году. Роман стоит особняком в числе прочих социологических сочинений автора. В этой книге писатель высказался о Душе, о Чуде и о Боге, то есть роман по его жанровому своеобразию можно с уверенностью отнести как к роману социологическому, так и *психологическому*.

Такая амбивалентность формы обусловлена целостностью авторского восприятия действительности: общественное и индивидуальное, социологическое и психологическое как два вектора единой комплексной системы координат пространства реальной человеческой жизни. Для ученого, который задается целью не просто описать некий процесс с необходимостью, но и принять условия достаточности, не обойтись без рефлексии. Тогда становится понятно, что иррациональной компоненте (каковой и является рефлексирующая человеческая душа) должно уделить особое место наряду с «объективным» рационализмом.

«Я знаю, что мои слова иррациональны. Но ведь человеческая история вообще иррациональна. Рациональна только человеческая глупость и заблуждения» [2]. Зиновьев впервые заговорил о душе в произведении художественном, где авторским alter ego является харизматичный персонаж – новый русский Бог Иван Лаптев. С точки зрения аналитической психологии, понятие Бога является архетипом, то есть автономным, реально действующим в человеке иррациональным сущностным принципом на уровне объективного закона природы (К.Г. Юнг).

«Физическое» – не единственный критерий истины. Существуют ведь еще и душевные истины, которые с точки зрения физической не могут быть ни объяснены, ни доказаны, ни оспорены. <...> Эта сфера включает в себя и религиозные высказывания. Они целиком и полностью относятся к предметам, которые невозможно констатировать физически. <...> Если соотносить их с физическим бытием, то они вообще лишатся всякого смысла. Они станут тогда просто чудесами, а потому уже сами по себе будут подлежать сомнению, но не смогут указывать на действительность духа, т.е. смысла, ибо смысл всегда свидетельствует о себе из себя самого» [3].

«Что такое чудо? Согласно общепринятому пониманию чудо есть событие, которое не должно было произойти вообще, но произошло. <...> Чудеса, повторяю, не фокусы и



не мошенничество. Это возможные, но принципиально необъяснимые, не вызываемые по произволу, экспериментально не воспроизводимые события. Чудеса так и останутся чудесами на веки веков. В отношении их допустимо лишь одно: признать, что они иногда случаются» [1, с. 54].

Как профессиональный логик Зиновьев четко характеризует понятие чуда, формулируя также и более ослабленное его определение: это событие, вероятность которого ничтожно мала или близка к нулю. Таким образом, чудо есть событие, о возможности которого вовсе не думают, но которое однако случается. И в этом смысле, говорит Иван Лаптев, чудо допускается как выражение закона природы [1, с. 53].

«Чудо есть возможное событие. Причем произойдет оно или нет, зависит от воли какого-то сознающего и волевого существа. Чудеса не происходят сами по себе. Их творят. Но чудо есть результат неповторимого стечения обстоятельств и само неповторимо... Поэтому невозможно высчитать его вероятность, невозможно дать ему общее объяснение. Если даже происходят сходные события, являющиеся чудом, каждое из них все равно есть стечение неповторимых обстоятельств» [1, с. 53].

В своих работах (и художественных, и сугубо научных) Александр Зиновьев методологически всегда определяет любое вновь вводимое понятие. Делается это для адекватного понимания сути данного понятия. Понятие опосредуется через язык. Таким образом, автор (как профессиональный логик) дает языковую интерпретацию исследуемого объекта. Зиновьев подчеркивал, что именно язык как средство познания, затем само познание, которое совершается в языке, а также закрепленные в языке продукты этого познания и являются истинными предметами логики [4, с. 17]. Строгий, формальный язык логики, в свою очередь, состоит из терминов, высказываний и логических операторов [4, с. 20]. Логический язык не терпит элементов гипосташирования. Требование не удваивать сущности является в логике одним из ключевых. Если существует предмет (в логике он является субъектом высказывания), то с необходимостью существует также и признак этого предмета (предикат высказывания). И предикат не может вдруг превратиться в субъект – ведь при этом и произойдет «удвоение сущности».

Иначе говоря, в формальной логике такие понятия как истина, счастье и т.п. не должны гипостазироваться. Они есть лишь необходимый признак предмета, как-то: счастливый человек, истинное высказывание и т.п. Однако логика оперирует лишь действительной компонентой бытия, за которую всецело отвечает разум или сознание.

В математике существует модель, которая носит название комплексной плоскости. Каждая точка этой плоскости представляет собой комплексное число. Графически действительные числа расположены на горизонтальной оси абсцисс, а мнимые – на вертикальной оси ординат. В центре пересечения осей этой декартовой координатной системы лежит нулевая точка. Эта математическая модель хорошо описывает (с точки зрения числа, или количества) многие физические явления, например, она незаменима для расчетов токов в теории линейных электрических цепей, расчетов электромагнитных полей в теории электродинамики. Также эта модель применяется в аэродинамике и многих других специальных разделах современной физики. Это общеизвестные научные истины, не требующие возражений.

Однако если применить эту модель к процессам, происходящим с человеком, то есть процессам психологическим, логике здесь будет отведена лишь только одна координатная ось действительных чисел. В психологии «под трансцендентной функцией понимается отнюдь не что-то таинственное, так сказать сверхчувственное или метафизическое, а психологическая функция, которую типологически можно сравнить с одноименной математической функцией, а именно с функцией мнимых и действительных чисел <...> в результате соединения *сознательных* и *бессознательных* содержаний. <...> Сознание

и бессознательное редко согласуются друг с другом в отношении содержания и тенденции <...> бессознательное занимает по отношению к сознанию компенсаторную или комплементарную позицию» [5, с. 14, пар. 131].

Бессознательные содержания и есть «числа» на «мнимой» оси ординат заданной нами комплексной плоскости, которая наряду с явлениями физическими моделирует также и процессы, происходящие в человеческой психике. Логика, или разум, не работает с мнимым понятием, которое, в переводе с латинского *imaginiarius*, можно было бы назвать понятием *художественным*. Логика, повторяю, оперирует только понятием, лежащим лишь на оси действительных (*realis*) чисел (как чисел рациональных, представимых в виде обыкновенной дроби, так и иррациональных, представленных в виде неделимых периодических дробей). Итак, логика работает с «реальным» понятием.

В психологии существует понятие психического высказывания, которое оперирует терминами, невозможными с точки зрения «реальности» или «здравого смысла». «Эта сфера включает в себя и религиозные высказывания. Они целиком и полностью относятся к предметам, которые невозможно констатировать физически. Если бы они не были таковы, то неотвратно попали бы в область естествознания и были бы кассированы им в качестве непознаваемых. <...> Тот факт, что религиозные высказывания нередко даже противоречат физически засвидетельствованным явлениям, доказывает самостоятельность духа по отношению к физическому восприятию и известную независимость душевного опыта от физических данностей. Душа есть автономный фактор, а религиозные высказывания суть исповедания души, жиждущиеся <...> на бессознательных, т.е. трансцендентальных процессах. Последние недоступны физическому восприятию, но доказывают свое присутствие соответствующими исповеданиями души» [3, с. 111].

Итак, именно психические высказывания и составляют суть понятий, лежащих на оси *imaginiarius*, перпендикулярной по отношению к «реальной» оси высказываний логических. На психические термины (в том числе религиозные) гипостазирование принципиально не распространяется, потому что оно логически, по определению самого понятия, применимо лишь к «реальным» терминам и высказываниям. Такие понятия, как «дух», «душа», «Бог» и т.п., не имеет смысла рассматривать с точки зрения логики, хотя они и существуют в языке. Не имеет смысла хотя бы потому, что нам не удастся избежать их гипостазирования. Ведь Бог, с точки зрения аналитической психологии, есть архетип коллективного бессознательного, то есть реально действующий, но принципиально необъяснимый *психический автономный фактор* [3, с. 112].

Логик Зиновьев считал, что любое явление, коль скоро оно зафиксировано в языке, может и должно быть подвергнуто логической обработке, иначе говоря, все то, что описывается словом, является предметом логики [4, с. 14]. Однако язык однороден (в том смысле, что любые высказывания представимы только в языке и потому язык есть универсальный посредник между существом объекта и сознанием субъекта). Реальность далеко не однородна. И так же, как математик домножает действительное число на условную, но необходимую для математической модели мнимую единицу, чтобы получить численное выражение для мнимого числа, так и исследователь человеческой природы обязан учитывать не поддающиеся логике психические факторы. В логике нельзя пользоваться «мнимой единицей», пусть даже задав ей исчерпывающее языковое определение. Результат окажется ошибочным. Язык принципиально однороден (хотя и существует понятие «расслоение языка»), и тогда логикам приходится изобретать метаязык, чтобы устранить мнимые парадоксы, возникающие по причине этого расслоения, однако все это происходит в вербальной форме, что и позволяет нам говорить о принципиальной языковой однородности). «Люди оперируют чувственными образами знаков в качестве заместителей (двойников) предметов, обозначаемых этими знаками. На рассмотренной основе изобретаются

языки и способность оперировать языковыми знаками по особым правилам, высшим уровнем которых являются логические правила» [6, с. 11].

Комплексная плоскость наподобие универсальной языковой плоскости тоже принципиально однородна. Комплексное число есть суперпозиция «неоднородностей» выборки из действительного и мнимого рядов – геометрическая сумма разновеликих, перпендикулярно направленных векторов. То же относится и к психически комплексной природе человека.

Разделяя в едином пространстве языка принципиально различные психические и физические понятия, давая им определения из дифференцированных множеств, мы сможем избежать той путаницы, о которой не раз предупреждал Александр Зиновьев [4, с. 26]. «Слово “предмет” будем употреблять в самом широком смысле: предмет – все то, что может быть <...> воспринято, представлено, названо <...> исследователем, короче говоря – все, что угодно (корова, стол, атом, царь, бог, вселенная <...>). В философии употребляется слово “объект” в том же смысле, что и слово “предмет”» [6, с. 13]. Именно здесь необходимо провести границу между понятиями, принципиально разделив их на два условных класса: 1) корова, стол, атом, царь, физическая вселенная; 2) Бог, психическая вселенная. Необходимо сделать это на *онтологическом уровне*. И Зиновьев делает это! В романе «Иди на Голгофу».

«Что мир есть противоречие, об этом знает каждый студент, сдавший экзамен по философии. Никто не знает того, что Бог есть тоже противоречие. Это – мое открытие. У Бога нет определенного дома <...> У него нет конкретных друзей <...> Бог есть и одновременно его нет. В него верят и не верят <...> Достигнув высот веры, мы впадаем в сомнение. Упав на дно неверия, мы начинаем подозревать о его существовании. Я мечусь между этими крайностями – абсолютной верой и абсолютным неверием» [1, с. 60]. По сути, здесь дана исчерпывающая характеристика психически напряженного человеческого состояния. Сделано это психологически точно. А. Зиновьев фиксирует в языке систему явлений парадоксальных, ибо требование непротиворечивости является основным для любой логической системы. Бог (по Зиновьеву) живет в душе человека, он не является абстракцией. Он является *явлением психологическим*. «Бог есть <...> человеческая потенция, которая кажется легко осуществимой, но которая на самом деле неосуществима вообще <...> Бог есть надежда, доведенная до отчаяния, и отчаяние, доведенное до такого уровня, где ничего другого не остается, кроме надежды» [1, с. 60].

Литература

1. *Зиновьев А.А. Иди на Голгофу. Lausanne: L' Age d'Homme, 1985.*
2. *Зиновьев А.А. Нашей юности полет / А.А. Зиновьев // Светлое будущее. М.: Астрель, 2008.*
3. *Юнг К.Г. Ответ Иову. М.: Канон, 1995.*
4. *Зиновьев А.А. Очерки комплексной логики. М.: Эдиториал УРСС, 2000.*
5. *Юнг К.Г. Трансцендентная функция / К.Г. Юнг // Об энергетике души. М.: Академический проект; Фонд «Мир», 2010.*
6. *Зиновьев А.А. Фактор понимания. М.: Алгоритм; Эксмо, 2006.*

Аннотация. Роман А.А. Зиновьева «Иди на Голгофу» занимает особое место в его литературном наследии. Это не только роман «социологический», написанный в жанре, изобретенном им самим, но так же и роман в традиционном – психологическом жанре. Для философа-логика, человека предельно рационального, принципиального атеиста роман о душевном мире человека – вещь необычная. А роман, в котором появляется тема Бога, – вещь исключительная. Даже при том, что сам Зиновьев назвал себя «верующим безбожником». Этот парадоксальный роман, однако, вполне соответствует общему контексту зинovieвской мысли, в котором возможно существование взаимоисключающих утверждений. Например, таких: Бог есть и Бога нет. Парадокс в том, что логика способна проникать в самые иррациональные состояния человеческой души – если это действительно логика. И роман «Иди на Голгофу» это блестяще показывает.

Ключевые слова: Бог, Голгофа, чудо, душа, психология.

Andrey D. Filin, Film Director, Poet, Playwright. E-mail: andrei_filin@bk.ru

The God of Alexander Zinoviev

Abstract. The novel “Go to Golgotha” by A.A. Zinoviev occupies a special place in the literary heritage of the thinker. It is not just a “sociological” novel written in the genre invented by the author himself, but also a novel in the traditional – psychological genre. For a philosopher and logician, an extremely rational and fundamentally atheistic person to create such a novel about the spiritual world of a man is an extraordinary choice. And a novel where the theme of God is touched upon may be viewed as exceptional. Even though Zinoviev called himself a “believing atheist”. Nevertheless, this paradoxical novel fully complies with the general context of Zinoviev’s thought that allowed the existence of mutually exclusive assertions. For example, such as: “God exists” and “God does not exist”. The paradox consists in the fact that logic can penetrate into the most irrational states of human soul, – if only it’s real logic. And “Go to Golgotha” novel serves as brilliant proof to this theory.

Keywords: God, Golgotha, Miracle, Soul, Psychology.